

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061252
Тугай Ирины Анатольевны

Научный руководитель
к.фил.н., доцент
Шубина Н.Г.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Старославянские заимствования в системе современного русского языка.....	5
§1. Старославянский язык – общий язык славянских народов.....	6
§2. Старославянизмы в русском языке и их признаки.....	11
2.1. Признаки заимствований из старославянского языка.....	11
2.2. Лексико-грамматические разряды старославянизмов.....	15
§3. Функциональная характеристика старославянизмов в современном русском языке.....	18
Глава II. Анализ старославянизмов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....	23
§1. Творческое наследие Михаила Юрьевича Лермонтова.....	23
1.1. Особенности произведений М.Ю.Лермонтова.....	23
1.2. Роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова: значение для истории русской литературы и для развития русского литературного языка.....	30
§2. Старославянизмы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....	33
2.1. Классификация старославянизмов в романе.....	33
2.2. Особенности стилистической маркированности старославянизмов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....	40
2.3. Функционально-семантические особенности старославянизмов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....	43
§3. Работа со старославянизмами на уроках русского языка.....	47
Заключение.....	51
Библиографический список использованной литературы.....	54

ВВЕДЕНИЕ

История русского языка на протяжении столетий была тесным образом связана со старославянским языком, который играл особую роль в становлении русского литературного языка: в течение длительного времени именно старославянский язык являлся самым действенным фактором, влияющим на формирование литературного языка. Благодаря родственным старославянского языка к древнерусскому языку обеспечила понимание первого письменного языка славян не только образованным слоям общества, но и более широким массам носителей древнерусского, а затем и русского языка.

Проза М.Ю. Лермонтова имела огромное национальное значение для развития русского литературного языка. Михаил Юрьевич, как и А.С. Пушкин, доказал возможность существования русской национальной литературы и показал возможность использования средств русского языка для передачи сложных психологических переживаний. Поэт и писатель, отказываясь от романтического стиля, сближал язык прозы с разговорным общелитературным языком, демонстрируя возможности русского национального языка.

Объектом исследования являются старославянизмы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Предметом исследования – стилистические и лексические особенности старославянской лексики в художественном произведении М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Цель дипломной работы – охарактеризовать лексико-семантические особенности старославянизмов в художественной речи романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Поставленная цель может быть достигнута путем решения ряда **задач**:

- 1) на основе изучения научной литературы дать общую характеристику заимствованных из старославянского языка слов как элементов

лексической системы русского языка;

- 2) выявить старославянизмы, путем сплошной выборки из соответствующего источника;
- 3) произвести классификацию старославянизмов;
- 4) определить стилистические особенности данных слов, использованных в тексте художественного произведения.

Актуальность выбранной для исследования темы обусловлена тем, что современный русский литературный язык неразрывно связан со старославянской лексикой, оказавшей на него огромное влияние. В памятниках древнерусской письменности (особенно в летописях) нередки случаи смешения фактов старославянского и русского языков. Это свидетельствует о том, что старославянизмы не были чуждыми заимствованиями и прочно укреплялись в русском языке как близкородственные [Валгина 1981: 56].

Старославянизмы, их признаки и специфика, стали объектом рассмотрения многих лингвистических исследований. Признаки заимствованной лексики подробно описаны как в учебной литературе (М.И. Фомина «Современный русский язык», Д.Н. Шмелев «Современный русский язык: лексика», «Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис» под ред. Л.А. Новикова, Н.М. Шанский «Современный русский язык» и других), так и в научных работах (К.В. Войлова, Г.О. Винокур, К.В. Горшкова, А.И. Изотов, М.Л. Ремнева, Г.А. Хабургаев, Р.М. Цейтлин и др.).

При анализе языкового материала, извлеченного из произведений М.Ю. Лермонтова, нами использованы следующие **методы**: описательный, сравнительно – исторический, метод контекстуального анализа. Основным методом нашего исследования является описательный, предполагающий анализ языковых факторов, их классификацию, типологическое обобщение.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографического списка использованной литературы.

ГЛАВА I. СТАРОСЛАВЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В составе лексики современного русского языка среди заимствований значительный пласт составляют старославянизмы – слова, вошедшие в древнерусский, а позже и русский язык из родственного старославянского языка. Старославянский язык, будучи языком, созданным для православной славянской церкви, стал первым литературным языком славянского мира и оказал значительное влияние на русский язык на ранних стадиях его формирования. В системе современного русского языка до сих пор известны факты старославянского языка, главным образом в области отвлеченной лексики.

Процесс проникновения славянизмов в общелитературный русский язык в разные исторические эпохи шел неровно: обусловленный определенными культурно-историческими условиями, то спадал, то нарастал. Так, начальный период распространения христианства на Руси связан с интенсивным проникновением славянизмов в русский литературный язык, но в более поздние исторические периоды исследователи отмечают некоторое ослабление этого процесса. В конце же XIV века и в XV веке, в период «второго славянского влияния», заимствование старославяnskikh элементов русским языком увеличивается.

В дальнейшем живая народная стихия стала вытеснять славянизмы, не востребованные в речевой практике, заменяя их русскими элементами. Но при этом определенная часть славянизмов значительно «обрусела», усвоенная не только лексической системой языка, но самими носителями. Слившись с чисто русской лексикой, такие заимствованные лексемы перестали восприниматься как иноязычные. Л.А. Булаховский еще в первой половине XX века писал: «и сейчас нам трудно составить фразу, в которой бы не попались слова, так или иначе не проникшего в наш язык из старого книжного источника или не созданного по старинным образцам. Мы даже не чувствуем уже, что *время, сладкий, жажда, враг, нужда,*

плен – это чужие слова, и только научный анализ может нас в этом убедить» [Цит. по: Шмелев 1977: 252]. Взаимное влияние старославянского и русского языков обнаруживается как в образной системе русского литературного языка, в его грамматической структуре, в фонетическом облике слов, так и в его лексическом составе. Д.Н. Шмелев отмечал, что «старославянизмы – это наиболее весомый пласт лексических элементов, которые вошли в русский национальный язык извне» [Шмелев 1977: 253]. Осознание преемственности старославянского языка в русском литературном языке, определение влияния старославянизмов на образную систему языка, возможно лишь при детальном рассмотрении языка произведений классической литературы.

§1. Старославянский язык – общий язык славянских народов

Старославянский язык – древнейший известный славянский литературный язык. Термин относят к языку IX - XI веков, иногда также XII века. Древнейшие памятники известны в списках X века, чаще - XI века. Старославянский язык никогда не был разговорным языком славян IX века. Специально созданный для переводов христианской литературы и написания собственных славянских религиозных произведений, этот язык должен был опираться на ту речь, которая понятна славянским язычникам. Созданный на основе диалектов южной группы славянских языков, первый письменный язык славян был понятен многим народам, говорящим на славянских языках, и в своей фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе. Лексика, ориентированная на греческие первоисточники христианской религии, заучивалась и становилась активной на основе нового вероисповедания.

Восточные славяне познакомились со старославянским языком после принятия ими христианства в 988 году в эпоху правления киевского князя Владимира. Начиная с XI века, старославянский язык использовался в качестве литературного письменного языка для перевода греческих

богослужбных книг и внедрения христианской религии в славянских странах (например, в Моравии, Болгарии, Сербии, в Древней Руси). Просветители Константин (Кирилл) и Мефодий, жившие в городе Солунь (ныне греческий город Салоники), создали славянскую азбуку. С ее помощью они переводили богослужбные книги с греческого языка на солунский диалект древнеболгарского языка, который и положен в основу старославянского. Оба брата были образованнейшими для своего времени людьми.

Старший, Мефодий, имел опыт административной деятельности и в молодости правил одной из византийских провинций, скорее всего Македонией – территорией, населенной славянами, потом он стал монахом, а в 870 году стал епископом Моравии. Младший же, Константин, по прозвищу Философ, в молодости работавший в патриаршей библиотеке, затем участвовавший в нескольких миссиях к язычникам для защиты христианского вероучения, продемонстрировал глубокую образованность и блестящие полемические способности. Сведения о жизни братьев можно почерпнуть из их Житий, а также из трактата древнеболгарского писателя начала X века черноризца Храбра «О письменах». Братья, прибывая в Моравию, не только просветительскую работу, но и трудятся над переводами важнейших богослужбных книг на славянский язык. Для этого Константин (а именно его считают создателем старославянского языка) использует знание одного из славянских диалектов, на котором говорили жители Солуня (города, в котором росли братья). Сравнивая этот диалект с речью моравских славян, Константина имел возможность убедиться в малом их различии, что действительно было характерно для IX века: в этот период отличия в славянских языках не были еще столь разительными, как сегодня. В "Житии Константина" есть также сведения, что он был знаком с речью других славянских народов, например, с речью славянского населения Крыма в районе Херсонеса [Николенкова]. Можно предположить, что работу над созданием литературного языка славян

Константин начал задолго до приезда в Моравию, так как, по сведениям разных источников, уже в 867 году работа над переводами богослужебных книг была закончена, и братья отправились в Рим за получением поддержки папы римского в осуществлении миссионерской деятельности на славянском языке. Разрешение от папы было получено, и с этого момента мы можем считать старославянский язык официальным литературным языком славянских народов [Николенкова].

Константин и Мефодий внесли в состав старославянского языка элементы из известных им славянских языков и диалектов того времени, а также из языков неславянских, например из греческого, в котором отразилась высокоразвитая традиция византийской культуры предшествующих эпох.

Современные исследователи отмечают, что это был язык. Характеристика «священный» в отношении старославянского языка, по мнению историков языка, была связана с его нормализованностью, функциональных отличий от народно-разговорного языка [Турбин 2002: 187]. Старославянскому языку, как и всякому литературному языку, были в известной степени свойственны искусственность. В то же время в эпоху средневековья ареально-интернациональный характер рассматриваемого языка был обусловлен социально-общественной ситуацией. Представляя своего рода «славянскую латынь», противопоставлявшуюся собственно латыни – латинскому языку, на котором шло богослужение во многих европейских странах, в том числе и в отдельных славянских (например, в Моравии), старославянский язык объединял все славянские народы.

Функционируя в условиях разных славянских языковых культур, старославянский язык принимал локальные черты разных славянских языков и в этом виде использовался за пределами литургических текстов, в произведениях древней славянской литературы, включая древнерусские тексты.

Все древнеславянские языки были очень близки между собой по

лексическому составу, морфологическому и синтаксическому строю, что стало основой для широкого распространения данного языка и среди восточных славян после крещения Руси (при князе Владимире в 988 году). Старославянский язык, легко усваивавшийся древнерусскими книжниками, не только проникал в памятники древнерусского языка, но и оказывал значительное влияние на формирование письменной русской культуры. С появлением старославянских книг древние русичи не только научились читать по-старославянски, но и сами стали создавать на своем языке различные сочинения, что обусловило проникновение в тексты старославянского языка элементов живой древнерусской речи (так называемых русизмов в языке памятников, переписанных в русских землях). Под влиянием старославянского языка, по мнению Д.Э.Розенталя, русский язык обогатился, стал его более выразительным, гибким. «В частности, в русской лексике стали употребляться старославянизмы, обозначающие отвлеченные понятия, для которых еще не было своих названий» [Розенталь 2001: 62].

Старославянский язык является для русского народа проводником античной культуры: посредством старославянского в русский литературный язык вошли без перевода слова многие греческие (*академия, икона, фонарь, корабль, тетрадь, монастырь, монах, евангелие* и многие другие, преимущественно религиозной семантики), латинские (*алтарь, цесарь* – царь; названия месяцев *генварь* – январь, *февраль, март* и т.д.), а также некоторые германские (*церковь, поп*) и древнееврейские (*эдем* – рай, имена *Мария, Иоанн, Даниил* и пр.) лексем.

Современному русскому языку известны многие старославянизмы, обрусевшие настолько, что не воспринимаются как иноязычные заимствования: *плен, мрак, разум, между* и т.д. При этом есть и старославянизмы, которые не входят в активный запас современной русской лексической системы или воспринимаются как слова устаревшие: *вежды* – «веки», *десница* – «правая рука», *семо* – «сюда», *овамо* – «туда».

Существительные *град, злато, брег* окончательно вышли из употребления только во второй половине XIX века; однако корневые основы этих слов сохранились в составе производных от них слов (*безбрежный, обезглавить*) и в составе сложных слов: *Ленинград, Волгоград*.

Старославянский язык поставил в русский и хорошо разработанные в греческой стилистике средства художественной образности: метафоры, эпитеты, сравнения, плеоназмы и многие другие. Это стало основой для развития таких средств на русском языковом материале с учетом особенностей русского словообразования. Благодаря этому русский литературный язык в короткий срок приобрел средства, позволившие ему стать мощным и действенным орудием национальной культуры.

В работе «О славянизмах в современном русском литературном языке» Г.О. Винокур пишет, что «только при одном условии сохраняются в современном употреблении славянизмы как лексические, так и морфологические, именно – в поговорках, цитатных выражениях, фразеологических сращениях. Так, мы и сейчас говорим: «устами младенца глаголет истина», «беречь, как зеницу ока», «глас вопиющего в пустыне», «денно и ночью», несмотря на то, что слов *глаголет, зеница, око, глас, ночью* в отдельном употреблении у нас давно не существует. Точно так же мы говорим: «работать в поте лица своего», «сыны родины», «темна вода во облацех, хотя вне подобных закрепленных выражений можно сказать только в поту, сыновья, в облаках и пр. «...» В данных случаях речь идет о явлениях, как бы вынутых из общей системы современного языка и существующих в языковом употреблении только на правах извлечений (хотя бы и ставших привычными) из иной языковой системы, принадлежащей иной обстановке речи. ... В современном русском литературном языке славянизмы не составляют уже живой и действенной стилистической категории» [Винокур 1959:442].

Прежде всего, старославянизмы используются в художественной литературе и публицистике в целях придания стилистической окраски.

§ 2. Старославянизмы в русском языке и их признаки

2.1. Признаки заимствований из старославянского языка

Состав старославянизмов, заимствованных русским языком, включает несколько групп [Розенталь 2001: 62]:

1. Слова, восходящие к общеславянскому языку, имеющие восточнославянские варианты иного звучания или аффиксального оформления: *злато, ночь, рыбарь, ладья*.

2. Старославянизмы, не имеющие созвучных русских слов: *перст, уста, ланиты, перси* (ср. русские: *палец, губы, щеки, грудь*).

3. Семантические старославянизмы – общеславянские слова, которые получили в старославянском языке новое, связанное с христианством, значение: *бог, блуд, грех*.

Среди отличительных признаков старославянизмов отмечаются фонетические, словообразовательные и семантические приметы.

Среди фонетических особенностей старославянизмов специалисты называют следующие [Розенталь 2001: 63]:

1. Неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* в корне в русских словах при соответствующих им полногласных сочетаниях *оро, оло, ере, ело* в русском языке, например: *врата – ворота, брада – борода, млеко – молоко, брань – оборона*.

2. Начальные сочетания *ра, ла* перед согласными. В русских словах им соответствуют сочетания *ро, ло*: *растения – росток, равный – ровный, ладья – лодка*.

3. Сочетание *жд* в старославянских словах с соответствующими *жс* в русских: *невежда – невежа, одежда – одежда, чуждый – чужой*.

4. Начальное *е* в старославянских словах с соответствующим *о* в русских: *единый – один, есень – осень, езеро – озеро*.

5. Начальное *ю* на месте русского *у*: *юг* (древнерусское *уг*), *юный* (древнерусское *уный*), *юродивый* (*урод*).

6. Начальное, *a* на месте русского *я*: *азъ - я, агнец - ягненок*.

7. Согласный *щ* в старославянизмах (чередующийся обычно с *т*) при русском *ч*: *освещение - осветить, возвращение - возвратить - ср. русское: светить - свеча, воротить - ворочу*.

8. Звук *e* под ударением перед твердым согласным в старославянских словах при русском *e (o)*: *крест - перекрёсток, перст - напёрсток, небо - нёбо*.

Старославянизмы характеризуются и словообразовательными особенностями [Шанский 1988: 79], которые представляют в структуре слова особыми суффиксами и приставками, например:

а) суффиксы – *стви (e)* (шествие, нашествие, бедствие); - *тай* (ходатай, глашатай); - *тв (a)* (битва, молитва, жатва); - *есн* – (чудесный, древесный, телесный); - *ын (я)* (святыня, гордыня); *_знь* – (боязнь, казнь, жизнь, болезнь);

б) приставки : *пре -*, *чрез* – при русских *пере-*, *через* – (преградить – переградить, чрезмерный – чрезмерный); *из -*, *ис* – при русском *вы* – (излить – вылить, испить – выпить); *низ -*, *нис* – (низложить, низвергнуть, ниспровергнуть); *воз -*, *вос* – (воздать, возложить, воспеть).

Старославянские заимствования характеризуются наличием суффиксов превосходной степени: *-ейш-*, *-айш-* (*светлейший, высочайший*), причастных суффиксов: *-ащ-* (*-ящ-*), *-ущ-* (*-ющ-*) при русских *-ач-* (*-яч-*), *-уч-* (*юч -*): *горящий – горячий, лежащий – лежащий, колющий – колючий*. Некоторые типы образования сложных слов отмечаются лишь у старославянизмов. Например, первые части сложных слов *зло-*, *добро-*, *суе-*, *бого-*, *благо-*, *жертво-*, представляющие собой корень, являются также признаками старославянского происхождения слова: *злословие, добродетель, суеверие, богословие, благородный, жертвоприношение* и др.

Для одного слова может быть отмечено несколько внешних примет, позволяющих отнести его к старославянизмам: *возвращение* (приставка

воз-, сочетание *ра*, согласный *щ*), *превращать* (приставка *пре* -, сочетание *ра*, согласный *щ*), *награждать* (сочетание *ра* и *жд*).

При этом наличие морфемного старославянского элемента в современном русском слове не всегда говорит о том, что последнее заимствовано из старославянского языка. Так в слове *предоктябрьский*, *предолимпийский* имеется старославянская по происхождению приставка *пред* -, но эти прилагательные созданы уже в современном русском языке и не являются старославянизмами.

Семантическими признаками старославянизмов являются:

1) принадлежность слова к религиозному культу, предметам церковного обихода: *апостол*, *архимандрит*, *евангелие*, *кадить*, *креститель*, *престол*, *пророк*, *ряса*, *светильник*, *святой* и др.;

2) слова отвлеченной лексики: *беззаконие*, *благодаяние*, *воскресить*, *грех*, *довлеть*, *исход*, *лицемерить*, *преткновение*, *прославить*, *сотворить*, *упование* и др.

В современном русском языке старославянизмами выполняются различные функции: семантические, стилевые и стилистические. С точки зрения актуальности функционирования старославянские по происхождению слова по-разному востребованы в речи: одни лексемы являются общеупотребительными, вытеснив исконно русские однокорневые слова: *враг* – *ворог*, *вред* – *веред*, *время* – *веремья*, *нужда* – *нужа*, *плен* – *полон*, *шлем* – *шелом*; другие старославянизмы, дифференцируясь от исконно русских слов, употребляются без ограничений и наряду с русскими словами относятся к нейтральному стилю: *глава* и *голова*, *гражданин* и *горожанин*, *влачить* и *волочить*, *невежда* и *невежа*, *нрав* и *норов*, *вращать* и *ворочать* и др. В таких парах старославянизмами чаще всего обозначаются абстрактные понятия, нередко отличаясь лексически от соответствующего русского слова или имеют разную сочетаемость. Именно расхождение значений русской и старославянской однокоренных лексем предопределяет их сохранение в

языке, например: *невежа и невежда, прах и порох, горящий и горячий*.

По наблюдениям Г.О.Винокура, в таких парах слов «возможна разных типов и степеней семантическая дифференциация». Сравнить, например, *краткий* и *короткий*. Оба они обозначают «непродолжительный по времени»: на *короткий срок* и на *краткий срок, короткий разговор и краткий разговор*. Кроме того, *короткий* обозначает «недлинный»: короткая полка, короткие волосы. В этом значении слово *краткий* сочетается лишь со словом *путь* (а не дорога!). Только прилагательное *короткий* употребляется в значениях «отрывистый» (короткий удар грома), «близкий» (в коротких отношениях). В свою очередь лишь *краткий*, обладает значением «сжато изложенный» (*краткий курс истории*). [Винокур 1959: 326]. Сравним также: *выбрать* и *избрать* делегата, но только *выбрать* книгу, платье и т.п.; *вылить* воду, но *излить* досаду; *перерывать* веревку, но *прервать* заседание; *огородить* участок земли, но *оградить* себя от нападков и т.п.

Современный русский язык сохраняет многие старославянизмы, заимствованные в качестве культовых названий и широко распространенные в церковной практике: *благодать, владыка, власяница, врата (царские), жертва, посвящение, (отчий) прах, престол, Рождество, священник, храм* и др. В то же время тексты различных научных отраслей (археологии, истории, медицины и т.д.) характеризуются употреблением терминов, которые по происхождению восходят к старославянскому языку, например: *вождь* (истор.), *Вселенная* (астроном.), *ладья* (шахматн.), *млекопитающее* (зоолог.), *раб* (истор.), *средостение* (медицин.), *страж* (истор.).

Старославянизмы в большей частью принадлежат к книжному стилю речи, так как именно слова книжного стиля и обладают стилистической функцией высокого, поэтического, торжественного. Книжными по своей стилистической принадлежности являются и слова, называющие культовые понятия, и слова-термины. Поэтической стилистике

принадлежат такие старославянские заимствования, как *власы, влачить, возбранять, воспламенять, длань, древо, златоструйный, златолюбие, ланиты, претерпеть, чуждый* и др.

Однако целый ряд старославянских лексем, утратив специфическую книжную окраску, прочно вошли в русский литературный язык и свободно употребляются в качестве стилистически нейтральных элементов (*время, шлем, сладкий, общий, храбрый* и др.). Кроме того, словообразовательный тип старославянского языка был использован в древнерусской традиции и стал основой для создания таких слов, как *времяпрепровождение, златоуст, предшествовать, рукоплескание, целомудренный* и т.д.

2.2. Лексико-грамматические разряды старославянизмов

В старославянском языке можно выделить лексико-грамматические разряды слов: имя существительное, имя прилагательное, глагол, счетные слова, местоимение, наречие, предлог, союз, частица.

Части речи различались между собой функциональной значимостью, временем формирования, количеством составляющих их единиц.

С точки зрения функциональной значимости различались знаменательные и служебные части речи. К знаменательным словам относились имя существительное, имя прилагательное, счетные слова, глагол, местоимение и наречие, к служебным частям речи - предлог, союз, частица.

Знаменательные части речи служили для обозначения реалий существующей действительности: лиц, предметов, их действий и состояний, признаков, свойств. Знаменательные части – это самодостаточные слова – они имели звуковое значение (характеризовались самостоятельным ударением), лексическое значение, морфологическое оформление, могли быть в предложении разными членами предложения [Войлова 2003: 96].

Служебные части речи не обозначали явлений реальной

действительности, фонетически и грамматически они зависели от знаменательных частей речи, то есть не имели самостоятельного ударения, не образовывали грамматических форм, не являлись членами предложения.

Части речи различались временем своего становления и формирования. Самой древней частью речи является имя существительное, которое некогда включало в себя все имена, а также часть глагольных форм (краткие причастия, супин, инфинитив). Основными грамматическими категориями имени существительного как части речи были род, число, падеж. Эти три категории имели универсальный характер, то есть не было ни одного существительного, не охарактеризованного по роду и не изменявшегося по числам и падежам. Частными категориями имени существительного были собирательность и категория лица имени существительного, впоследствии развившаяся в категорию одушевленности-неодушевленности.

А вот имя числительное находилось в стадии формирования и не обладало всеми необходимыми признаками лексико-грамматических разряда слов, поэтому слова со значением абстрактного числа названы счетными [Войлова 2003: 99].

Прилагательным в системе старославянского языка свойственны морфологические признаки, которые формально объединяют прилагательные с существительными, характеризующаясь категориями рода, числа, падежа. Однако содержание этих категорий является иным, также как и у неличных местоимений: род, число, падеж прилагательного – единая согласовательная категория, оформляющая синтаксическую зависимость прилагательного от существительного.

Прилагательные в старославянском языке могли иметь именные (нечленные, краткие) и местоименные (членные, полные) формы. Для качественных прилагательных были характерны степени сравнения.

Специфика местоимения как часть речи состоит в том, что этим термином объединяются очень разные по своим лексико-грамматическим особенностям группы слов, которые на грамматическом уровне характеризуются именными функциями и категориями, а на лексическом – высокой степенью обобщенности, непредметностью семантики.

Местоимения указывают на предмет или признак вообще. Они не указывают на какие-либо определенные признаки и предметы. В монологе они отсылают к уже названным предметам, явлениям и признакам, составляющим объект обсуждения; в диалоге – к предметам и признакам, присутствующим в ситуации общения.

Собственно «заместителями» имен являются лишь слова, которые называют неличными местоимениями; эту же функцию могут выполнять указательные местоимения, употребляющиеся в качестве личных местоимения 3 лица. Лишь эти разряды местоимений могут быть заменены словами, к которым они отсылают.

Глагольной системе старославянского языка были свойственны те же основные грамматические категории, что и современному русскому языку: лицо, число, наклонение, время, вид, залог. Некоторые глагольные формы характеризовались также категорией рода. Кроме того, в старославянском языке достаточно ощущается категория определенности – неопределенности действия, связанная с категорией вида.

Разные формы одного и того же глагола, как и в современном русском языке, образовывались от разных основ. По соотношению формообразующих основ глаголы принято делить на классы [Ремнева].

Наречием называют неизменяемые слова, обозначающие, как и в современном русском языке, «признак признака», то есть характеризующие действие, состояние, качество. В основном наречия представляют собой застывшие формы местоимений или имен в том виде, в каком они функционируют в качестве обстоятельств. Однако в старославянском языке была и группа слов, которые могут быть признаны

собственно наречиями. Некоторые из них были древними (первичными) и не соотносились с формами других частей речи [Николенкова].

§ 3. Функциональная характеристика старославянизмов в современном русском языке

История освоения старославянских слов и старославянских элементов русским языком в разных тематических и грамматических группах различается. Для одних в языке отводится роль активных элементов, которые, заменив русские лексемы и используя в обиходно-речевой практике, становятся общеупотребительными, например: *враг, вред, единственный, жажда, награда, нужда, плен, сладкий* и др. Другие, сохранив параллельно в речевой практике сосуществующий русский вариант слова, приобретают семантическую специфику: обозначение или отвлечённости, или значимой торжественности, например, *берег и брег, лодка и ладья, уволочь и увлечь, сторож и страж* и т.п..

Для некоторых соотносительных по форме старославянских и русских слов в современном языке развивается лексическая дифференциация, закрепляющая лексемы, восходящие к одному историческому корню как разные слова, например: *невежда* (о малообразованном человеке) – *невежа* (о грубом, невоспитанном человеке), *голова* (о части тела) – *глава* (о разделе текста; о должности) и т.п.

Разной степенью освоения характеризуются и старославянские морфемы: суффиксы и приставки. Одни из них становятся малопродуктивными, являясь элементом морфемной структуры слов книжной лексики, например: суффикс причастий *-ом-* (несомый), суффикс существительных *-тай* (ходатай); приставки *низ-*; *пре-* (низвергнуть, предатель). Другим же элементам, употребляющимся тоже преимущественно в книжной лексике, повезло больше и они функционально востребованы, являясь продуктивными, например: суффиксы причастий *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* (*трепещущий*,

трансформирующийся, слышащий, пылесосющийся), суффиксы отвлеченных понятий, образующие существительных *-ство, -ств* и [j-э], -н и [j-э] и др. (*строительство, нашествие, кипение, старание*). Встречаются и элементы, сфера употребления которых не ограничивается ни книжной, ни разговорной сферой, например: суффиксы причастий *-нн-* и *-енн-* (под влиянием русского языка суффикс *-енн-* в некоторых словах стал произноситься *-ённ-*) (*сломанный, написанный, раскалённый, испечённый*); приставка *из-* (*ис-*) (*избить, испортить, искусать, искромсать*).

В настоящее время при определении этимологии слова, имеющего славянские элементы, активно употребляемые в словообразовательной практике, следует учитывать, что старославянские словообразовательные морфемы могли использоваться при образовании новых слов уже в русском языке. Так, в XVIII веке, с помощью старославянских элементов были созданы следующие слова: *влияние, нравственность, общественность, ощущение, потребность, современность* и др. Подобные образования появляются и в XX, и в XXI веках, например: *градообразующий, здравоохранение, танковожделение*. Поэтому слова, созданные на основе старославянских элементов, могут быть созданы на русской почве, и потому не являться заимствованиями.

Произведения художественной литературы широко представляют старославянизмы, не входящие в активный словарь русской лексики. В качестве устаревших стилистически маркированных слов старославянизмы реализуют различные художественные цели: создание торжественности, приподнятости и, наоборот, пародийности, комического эффекта, иронии. Также с помощью использования рассматриваемых заимствований достигается ощущение исторической эпохи.

М.В. Ломоносов в своей теории «трех штилей» русского литературного языка – «высокого, посредственного и низкого» – полагал, что высокий стиль, употребляемый в произведениях «о важных материях, поэзии – в «Героических поэмах и Одах», «составляется из речений

Славенороссийских, то есть употребляемых в обоих наречиях, и Славенских, Россиянам вразумительных и не весьма обветшалых» [Цит. по: Ремнева 1995: 236]. Поэт в своих гражданских одах и создавал такой высокий стиль с привлечением большого количества славянизмов. Например: «В безмолвии *внимай вселенна: // Се хочет лира восхищенна // Гласить велики имена*»; «О вы, недремлющие очи, // *Стрежущие небесный град*» и т.п. [там же].

Большая часть славянизмов (такие, как *хочет*) постепенно вышли из употребления, различаясь по времени утраты функциональной актуальности. Например, характеризующиеся неполногласием корни типа *гласить, град, млад* и др. долго были востребованы в текстах русской поэзии, а также и в прозе для создания эффекта возвышенного описания.

Для придания языку торжественности старославянизмы использовал А.А. Блок («Есть немота: то гул набата заставил *заградить уста*»), А.Т. Твардовский («И прогремела грозным *гласом // В годину битвы наша сталь*») и др., с целью создания комического эффекта и выражения иронического отношения их применял М.Е. Салтыков-Щедрин («Просветит господь разум Иванушки пониманием и направит стоны его по *стезе* господина исправника»), И. Ильф и Е. Петров («Мощная *выя* командора сгибалась под тяжестью архиерейского наперсного креста»), Е. Евтушенко («Солидный *град* районный, // А никакое не село») и др. [Хабургаев 1974: 16].

Старославянизмы в поэтической речи первой половины XIX века воспринимались как литературная норма и не имели оттенка архаичности. Например, во многих произведениях А.С. Пушкина функционируют заимствования из старославянского языка: в «Пророке» («*Перстами легкими как сон // Моих зениц* коснулся он. // *Отверзлись* вещие *зеницы...*» и т.п.), но и в романтических поэмах («Вокруг лилейного *чела // Ты косу дважды обвила, // Твои пленительные очи // Яснее дня, чернее ночи*»; или «К чему? Вольнее птицы *младость. // Кто в силах удержать*

любовь? // *Чредою* всем дается радость...»), и даже в реалистическом романе «Евгений Онегин», как в его лирических отступлениях, («*Лобзать уста молодых Армид, // Иль розы пламенных ланит...*» и т.п.), так и в повествовании о жизни героев («Она его не подымает // И, не сводя с него очей, // От жадных уст не отымает // Бесчувственной руки своей...») [Цейтлин 1977: 189].

Для лирических произведений М.Ю. Лермонтова характерно большое количество старославянизмов: *восстать, жажда, оклеветанный, постигнувший, поправший*, «*золотой венец*»; «*поник челом*»; «*неведомый избранник*»; «*рыбок золотые гуляют стада*»; «*остается он хладен и нем*».

Произведения исторической тематики также требуют наличия старославянизмов, которые являются не только элементами хроноповествования, но и средствами создания речевой характеристики персонажей. Такая функция отмечается у них в тексте «Бориса Годунова» А.С. Пушкина (*владыка, властитель, здравый, преображение, житие, одр*) или в романе «Петр Первый» А.Н.Толстого (*власы, чрево, врата, глас, вертоград, глаголет* и др.) Слова со старославянской огласовкой употребляются теперь только в исторических романах.

Процесс демократизации поэтической речи, характерный для русской поэзии первой половины XX века, обусловил отказ от «высокой» лексики славянизмов. Однако обращение поэтов к особо величественной тематике или выражение значимости творческой мысли требовало от авторов обращения к эмоционально-экспрессивным возможностям славянских заимствований. Так, у А. Блок в прологе к поэме «Возмездие» мы находим «*Пускай же все пройдет неспешно,.. // Сквозь жар души, сквозь хлад ума...*»; «*Но не за вами суд последний, // Не вам замкнуть мои уста!*». Встречаем подобное употребление и у В. Маяковского в поэме «Облако в штанах»: «*Где глаз людей обрывается куцый, // главой голодных орд, // в терновом венце революций // грядет шестнадцатый год*») [Изотов 2001: 203].

Поэзия XIX и XX веков часто обращалась к старославянской лексике то для повышения, то для понижения стиля.

В стихотворениях В. Маяковского у славянских лексем определяется несколько иная функция: контрастное противопоставление полярных явлений действительности выражают именно старославянизмы (*бразды, внемли, волхвы, вопль, грядет, кущи, чреда* и др.). Их присутствие в речи произведения создает яркую, эмоциональную, возвышенную речь и сатирическо-комический эффект: «Отверз журнал исходящий рот»; «Влеку древнее иго»; «Ищите и обряцете... обряцут через час другой» [Мурьянов 1977: 134].

Влияние старославянского языка на русский выразилось не только в обогащении последнего значительным лексиконом, но и в расширении возможностей русской стилистики и словообразования.

Для славянизмов в стилистике современного русского литературного языка характерны три функции:

1. Стилизации языка при повествовании о событиях отдаленных эпох. Так, введением славянизмов и древнерусских слов (*чрево, челом бьет, паки, сиречь, брадобритие, власы, вертоград, мздоимство* и др.) в текстах А.Н. Толстого воссоздает историческое время.

2. Создание торжественной стилистики, на что указал еще в половине XVIII века М.В. Ломоносов, узаконив своим учением о трех стилях употребление старославянизмов в высоком стиле.

3. В качестве художественного средства для речевой характеристики персонажей (например, А.М. Горький в пьесе «Егор Булычев и другие», использует старославянизмы, создающие речевой портрет).

Таким образом, функционирование заимствований-старославянизмов в произведениях художественной литературы обусловлено родом литературы, темой произведения, временем написания художественного повествования, его жанром и стратегией автора.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ СТАРОСЛАВЯНИЗМОВ В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

§1. Творческое наследие Михаила Юрьевича Лермонтова

1.1. Особенности произведений М.Ю. Лермонтова

Наследника и продолжателя традиций А.С. Пушкина Михаила Юрьевича Лермонтова называли «гениальный выразитель новой, последекабристской эпохи» [Бойко, Медынцева 2005: 72]. Характеризуя лермонтовское творчество, В.Белинский утверждал: «Да, очевидно, что Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем иное звено в цепи исторического развития нашего общества» [Белинский 1978: 215].

Поэт прожил необычно короткую, даже по меркам XIX века, жизнь. Он был убит, когда ему не исполнилось и 27 лет. Всего четыре года, с 1837-го по 1841-й, на глазах изумленных современников развивалось зрелое творчество Лермонтова. Однако эти годы ознаменовали особый, лермонтовский период русской литературы. И мало кто знал, что этому предшествовало: с 1828 по 1837 г., поэтом было создано свыше 300 стихотворений, 20 поэм, 6 драм, 3 романа – и, по сути, ничего не опубликовано: требовательность к себе беспримерная [Аношкина 2001: 106].

История изучения жизни и творчества Лермонтова охватывает почти полуторавековой период. Она восходит к полемике, вызванной появлением в 1840 году двух прижизненных изданий поэта. Голоса критиков резко разделились: одни приветствовали в лице Лермонтова появление в русской литературе «сильного и самобытного дарования» (Белинский), другие видели в нем более или менее даровитого подражателя русским и западным модным образцам (С.П. Шевырев, С.А. Бурачок, Е.Ф. Розен, Ф.В. Булгарин) [Долинин].

Первым наиболее глубоким истолкователем творчества Лермонтова был В.Г. Белинский, откликнувшийся на указанные издания двумя

статьями и несколькими рецензиями. Сразу по выходе в свет «Героя нашего времени» критик отметил в нем «глубокое чувство действительности, «верный инстинкт истины», «знание человеческого сердца и современного общества», «самобытность и оригинальность», образующие «совершенно новый мир искусства. Заканчивая рассмотрение сборника стихотворений Лермонтова, критик заключал: «Он ... поэт русский в душе – в нем живет прошедшее и настоящее русской жизни». А в более ранней рецензии он прямо утверждал, что «Лермонтов – талант необыкновенный, обещающий в будущем нечто гениальное» [Цит. по: Аношкина, Громова 2001: 132].

Произведения Михаила Юрьевича Лермонтова, написанные им в сравнительно юном возрасте, относятся к различным родам и жанрам. Но основанием его художественного мира явилась лирика.

Ранняя лирика поэта поначалу носит подражательный характер, ориентированный как на предшественников, так и на современников (Шиллера, И.В. Гете, Ч.Г. Байрона, А.В. Жуковского, А.С. Пушкина, К.Н. Батюшкова, Д.В. Веневитинова, К.Ф. Рылеева), у которых он многому учится. При этом с самого начала ему свойственна тенденция к их переосмыслению.

В ранней лирике Лермонтова как в поэтическом дневнике получает многообразное отражение и интенсивная духовная жизнь, и работа мысли, сопровождаемая глубоким чувством, и стремление к познанию окружающего мира и своего места в нем. В то же время мы видим, что для молодого поэта важна и социально-историческая проблематика. Например, стихотворение «Новгород», являющееся, по мнению специалистов, откликом на поражение декабристов. Как и Пушкин, Лермонтов призывает к мужеству и стойкости, предсказывая неизбежность исторического возмездия: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет...» («Предсказание»). Гражданский патриотизм поэта, объединяющего в себе любовь к родине с ненавистью к ее поработителям,

выражен уже в ранних стихотворениях Лермонтова. «Я родину люблю, и больше многих», - заявляет поэт («Я видел тень блаженства...»). Обращение к истории, к борьбе русского народа за свою политическую свободу и национальную независимость мы находим в произведениях, посвященных Древней Руси: «Отрывок» («Три ночи я провел без сна – в тоске...»), «Баллада» («В избушке позднею порою...»), в стихотворении «Два великана», запечатлевшем в символично-аллегорических образцах борьбу русского народа с наполеоновской армией.

В то же время, помимо социально-политических, гражданско-патриотических мотивов, в творчестве поэта отмечаются тенденции к самоуглублению, к нравственно-этическим проблемам, что обусловлено как особенностью эпохой, так и психологическим настроением самого Лермонтова. Стремление к познанию и активному действию у Лермонтова обусловило необычайно раннюю для его творчества постановку серьезных философских проблем, отраженных в стихотворениях «Молитва», «Монолог», «Мой демон».

В ранней лирике поэта выделяется стихотворение «1831-го июня 11 дня», отличающееся итоговостью и вместе с тем программностью. Как и вся ранняя романтическая лирика Лермонтова, стихотворение постпредством развернутой системы антитез поэтики выражает «диалектику души» поэта. Однако здесь отсутствует замкнутость лирического героя в пределах его внутреннего мира, а миру внешнему, во всем сопутствующему герою, свойственны реалии эпохи как времени несбывшихся надежд. Самой мысли поэта определяется той мерой, в какой помогает постижению мира («Так жизнь скучна, когда боренья нет...»). Текст стихотворения выражает пророческое предчувствие безвременной гибели в столкновении с той жестокой и бесчеловечной действительностью, которая окружает поэта («Кровавая меня могила ждет. Могила без молитв и без креста»). Эти романтические прозрения подкрепляются последующей биографией поэта, обретая особую силу

поэтического воздействия. Специфика стихотворения связана не только с его только многообразием, но и своеобразием жанра, который сложно определить как моножанр: в нем сочетаются дневниковая запись, исповедь, философская медитация. Афористически отточенные формулировки чередуются с развернутыми символично-пейзажными картинками, интимные признания сменяются гражданской патетической и философскими обобщениями. Лермонтов уже в ранней лирике настойчиво «стирал» межжанровые границы. В основе его стихотворений лежит не тематическое или жанровое, а целостно-личностное содержание, отсюда их многогранность, жанрово-тематическая синтетичность.

Большое внимание в раннем творчестве Лермонтов уделяет любовной лирике, представленной однако не в жанрах любовных посланий, признаний, элегий, а в стихотворениях более емкого жанрово-тематического наполнения. Даже в циклах стихотворений, казалось бы целиком посвященных любви, обнаруживается идейно-тематическое богатство содержания. Например, адресованная Е.А. Сушковой миниатюра «Нищий» состоит всего из двенадцати строк, трех строф, из которых лишь последняя непосредственно обращена к адресату. В двух первых представлены как бы самостоятельные жанровые картины в подчеркнuto сдержанных тонах. И только последнее четверостишие обнаруживает скрытый лиризм: поэт, «обманутым навек» возлюбленной, дает волю своим чувствам. Страданиями нищего, лирического персонажа стихотворения оттеняются страдания лирического героя – и наоборот. В стихотворении скрыто присутствуют не только социально-политические, но и философские, и даже богоборческие мотивы. Преступление, в котором никто не усматривает ничего преступного, совершается «у врат обители святой», под эгидой «всеблагого» Бога, творца этого страшного мира. Лермонтов, широко раздвигая жанровые рамки традиционного любовного послания, вводит в текст тематику и средства других жанров, придавая им единство целостностью личности автора.

Подобная контаминация жанров встречается мы в стихотворениях, посвященных Н.Ф. Ивановой и В.А. Лопухиной. Так, в послании «К*» («Мы случайно сведены судьбою...») поэт, обращаясь к В. Лопухиной, восклицает: «Я рожден, чтоб целый мир был зритель торжества иль гибели моей!..».

Титанизм устремлений лирического героя обусловлен не только романтическими позициями автора. Значимы в этом отношении для Лермонтова жизнь-подвиг декабристов, участие Байрона в освободительном движении греков. Знакомство Лермонтова с творчеством английского поэта начинается в 1828-1829 гг. с чтения его в переводах В.А. Жуковского, И.И. Козлова, а затем, с 1830г., когда поэт овладевает английским языком, и в подлинниках. Байроном навеяны такие стихотворения Лермонтова этой поры, как «Ночь. I», «Ночь. II», «Подражание Байрону», «Видение» и др. Однако все они в большей мере, чем с «источником», связаны с фактами внешней или внутренней биографии самого Лермонтова. Уже в 1832 г. он со своей определенностью заявит: «Нет, я не Байрон, я другой...».

В.Ю. Троицкий отмечает, что молодежь привлекает неподражаемая лермонтовская музыкальность стиха, которая заставляет вновь и вновь повторять впервые услышанные строки: Белеет парус одинокий // В тумане моря голубом...; // Русалка плыла по реке голубой, // Озаряема полной луной, // И хотела она доплеснуть до луны // Серебристую пену волны... [Троицкий 1991: 83]

Покоряет Лермонтов и страстной порывистостью ораторской речи, непосредственной свежестью и силой чувства, яркой живописностью картин [Троицкий 1991: 84].

Автор пронзительно выражает острую жажду действия и борьбы, скованных сознанием бесплодности одиноких усилий. В его поэзии властно звучат мотивы решительного отрицания жестокой социальной действительности, горькие ощущения одиночества и обнаженная исповедь

души, отчаявшейся найти смысл земного бытия; сокровенный патриотизм и порыв к неземному идеалу, наконец, недолгое окаменение чувств и то внешнее «равнодушие», которое скрывает находящийся на пределе страстный протест и таящуюся в глубине души тоску по гармонии, надежде, любви... Напряженная лермонтовская мысль мучительно ищет источники высокого духовного просветления, и они наиболее полно воплощаются в поэтических образах свободолюбивой и вдохновенной личности (Кавказский пленник, Вадим, Измаил-бей, Арсений, купец Калашников, Мцыри и др.), в картинах природы и милой его сердцу Родины, в мотивах воссозданного его воображением небесного мира.

К чему бы ни обращается поэт, какие картины бы ни рисует его художественное видение, - они проникнуты живою полнотою понимания и сочувствия всему человечеству, свойственных русской натуре. Поэтому так осязаемы и душевны произведения, в которых воссоздается, казалось бы, незнакомый поэту мир: «Венеция», 1830; «Ветка Палестины», 1837; «Три пальмы», 1839, и др. Поэтому тревожную скорбь отзываются стихотворения, в которых господствует мысль, отразившаяся во всем творчестве поэта, в его взглядах, настроениях, пристрастиях, горьких раздумьях и в прорывающейся сквозь них нежной любви к Отчизне («Дума» «Родина» и др.) [Троицкий 1991: 86].

Многие стихи Лермонтова, например «Родина», рассматриваются в литературоведении как поэтическое произведение, приближающееся к реализму. Как отмечает В.П. Колесникова, стихотворение «Родина», как и всякое истинное произведение искусства, содержит в себе какую-то тайну, которую трудно до конца разгадать только с помощью рассудка, но можно понять и глубоко воспринять сердцем [Колесникова 1991: 54].

Тема России и исторической судьбы русского человека всю жизнь сопутствует поэтическим размышлениям Лермонтова. Образы отечества – от первых стихов, запечатлевших картины русской осени («Осень»), до проникнутого как бы молитвенным настроением стихотворения «Родина»

и полного мучительных раздумий над судьбой целого поколения романа «Герой нашего времени», - неизменно определяют пафос лермонтовского творчества [Троицкий 1991: 86].

Духовный и творческий мир Лермонтова, без сомнения, был органически связан с родной стихией; поэт находит в настоящем и – особенно – в историческом прошлом России картины, достойные пристального внимания, благоговения и одновременно – горестных замет. Например, в стихотворном отрывке о древнем Новгороде («Приветствую тебя, воинственных славян / Святая колыбель...») восторженное созерцание («С восторгом я взирал на сумрачные стены...») сменяется горьким сожалением об утраченной вольнице.

В. Солоухин отмечает что, Лермонтов был глубоко народен уже в самых ранних проявлениях своего гения, можно было бы сказать, что народность он «всосал вместе с молоком матери, но в том-то и дело, что у него была кормилица – простая тархановская крестьянка. Созревая и мужая, поэт становится все народнее, все глубже. Родная история интересуется его не праздно, чувство родной истории в нем жило всегда» [Цит. по: Бойко, Медынцева 2005: 76].

Сквозь дымку истории всегда видятся в лермонтовском творчестве грядущие события, прозреваются силы, карающие за отступление от исторической справедливости, а иногда в нем как бы возникает власть над временем, возвышающая смертного человека до пределов вечности...

В его поэзии предстают во весь рост героические люди, вроде богатыря из «Двух великанов», героев «Бородина» и «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Отечественное прошлое имеет в них как бы своих достойных представителей, утверждающих в нашем сознании свойственные народу духовные начала [Троицкий 1991: 89].

Лермонтов привнес в русскую литературу принципиально новый тип лирического героя. В отличие от лирических героев Жуковского,

Батюшкова, Давыдова, поэтов-декабристов, поэтов-любомудров, отличавшихся большей или меньшей односторонностью, преобладанием характерной доминанты (элегичность, эпикурейство, «гусарство», гражданственность, философичность), лирический герой Лермонтова выступает как целостная личность. В этом Лермонтов наиболее близок Пушкину. Однако личность поэта у Пушкина в лирике, как правило, не объект изображения, а призма, сквозь которую воспринимается мир. Лирический герой Лермонтова – это именно художественно-обобщенный характер поэта, воспроизводимый лирическими средствами. Резко очерченная индивидуальность лирического героя, наделенного устойчивыми психологическими, биографическими, личностными чертами, облегчила ранний переход Лермонтова от лирики к поэмам, драмам и затем к роману.

Поэзия Лермонтова, по словам В.Г. Белинского, представляет собой воистину «новое звено в цепи исторического развития нашего общества» и всей литературы [Белинский 1978: 238].

1.2. Роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова: значение для истории русской литературы и для развития русского литературного языка

В романе Лермонтова язык русской прозы достиг такой точки развития, начиная с которой возможно было использовать языковые средства для тончайшей психологической характеристики, — недостижимая задача для всей предшествующей литературы, за исключением Пушкина. В то же время Лермонтов прокладывал дорогу для «большого» психологического романа Тургенева и Толстого.

Язык «Героя нашего времени» прост на первый взгляд, но всю эту сложную простоту великолепно понимал еще Чехов, который писал: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и

разбирал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать» [Белинский 1978: 238].

Так, например, при всей своей кажущейся простоте повесть «Бэла» характеризуется как сложной композицией и стилистикой, так и особым языком повествования. Повесть обрамлена рассказом автора, едущего из Тифлиса в Коби. Авторский рассказ перебивает собою повествование Максима Максимыча и делит его на две части. Центральным же ядром повести является рассказ Максима Максимыча. В свою очередь в первую часть повествования Максима Максимыча включен рассказ Казбича о том, как он спасался от казаков; во второй части Максим Максимыч передает рассказ-автохарактеристику Печорина.

Эта сложная композиция романа поддерживается и ее стилистической сложностью: каждым из действующих лиц - рассказчиков вносится свой речевой стиль, и все эти стилистические варианты составляют единое целое. «Индивидуальные речевые особенности рассказчика как бы стираются в последующей передаче, но многие из них остаются, что и оговаривает Лермонтов. Так, рассказ Азамата, переданный сначала Максимом Максимычем, сопровождается следующим его замечанием: *«Вот присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова»*» [Пельмуттер]. Но бывает и так, что Максим Максимыч в своем рассказе, как бы затрудняясь припомнить какое-либо местное кавказское выражение, заменяет его русскими словами: *«Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл, как по-ихнему... ну, да вроде нашей балалайки»*. Это своеобразие речевой манеры Максима Максимыча является прямым выражением его отношения к людям, к окружающему быту. В наиболее же напряженные драматические моменты языку Максима Максимыча становится свойственная выразительность и стилистика автора: *«Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам; она крепко обвила*

его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу...» (Лермонтов 1990: 487).

Высокую художественность речи Максима Максимыча отметил еще Белинский: «Максим Максимыч рассказывал ее [историю «Бэлы»] по-своему, своим языком; но от этого она не только ничего не потеряла, но бесконечно много выиграла. Добрый Максим Максимыч, сам того не зная, сделался поэтом, так что в каждом его слове, в каждом выражении заключается бесконечный мир поэзии. Не знаем, чему здесь более удивляться: тому ли, что поэт, заставив Максима Максимыча быть только свидетелем рассказываемого им события, так тесно слил его личность с этим событием, как будто бы сам Максим Максимыч был его героем, или тому, что он сумел так поэтически, так глубоко взглянуть на событие глазами Максима Максимыча и рассказать это событие языком простым, грубым, но всегда живописным, всегда трогательным и потрясающим даже в самом комизме своем...» [Белинский 1978: 207].

Печорин и Грушницкий – типические образы, ставшие определением того ряда явлений, который Лермонтов наметил в свой «Думе»: (и ненавидим мы, и любим мы случайно, ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови). Грушницкий типичнее Печорина и больше годится в «герои нашего времени»; в Печорине еще слишком много автопортретности. Лермонтов сделал его одиноким, наделил его своей сильной волей, неустанной тревогой духа, анализирующим разумом, беспощадной искренностью в отношении к себе, знанием людей, способностью нежно любить, глубоко чувствовать природу, делать его одиноким - словом, подчеркивает, как можно ярче, все индивидуальное, чтобы скрыть под ним типическое: эгоизм, мелочную страсть к позированию, душевный холод. Тем сильнее проявляются эти черты в Грушницком. Его, и за одно с ним все «водяное» общество, Лермонтов не пощадил, и получилась широкая и правдивая картина жизни

определенного круга. Картина выходит особенно яркой благодаря архитектонике романа: Максим Максимович нарисован раньше, и когда потом проходят действующие лица из «дневника Печорина», то им все время противостоит его великолепная фигура во всей своей чистоте, неосознанном героизме и смиренномудрии - с теми чертами, которые нашли свое дальнейшее углубление у Толстого в Платоне Каратаеве, у Достоевского в смиренных образах из «Идиота», «Подростка» и «Братьев Карамазовых».

У прозаических произведений М.Ю. Лермонтова литературоведением определяется огромное национальное значение в истории развития русской литературы: Как и Пушкин, Лермонтов доказывает возможность существования русской национальной повести, русского национального романа, продемонстрировав возможности средств русского языка для передачи сложных психологических переживаний. Отказываясь от романтического стиля, Лермонтов сближает язык прозы с разговорным общелитературным языком [Пельмуттер].

Вот почему современники Лермонтова, характеризуя язык его прозы, отмечали его как значительное явление русской культуры.

§ 2. Старославянизмы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

2.1. Классификация старославянской лексики в романе

Интересно, что «Герой нашего времени» довольно насыщен различными старославянскими заимствованиями, но вот их состав совсем неоднороден. Из романа была произведена выборка около 1500 слов. Сначала лексемы выбирались из этимологического словаря, затем подтверждалось старославянским, в результате, из всех выбранных слов около 130 являются старославянизмами, около 250 слов образованы при

помощи старославянских частей (корни, суффиксы, приставки). Попробуем их систематизировать.

Исходя из признаков, характерных для старославянских слов, рассмотренных в первой главе данной работы, считаем возможным классифицировать старославянизмы, используемые М.Ю. Лермонтовым в произведении «Герой нашего времени», по трем группам:

- 1) фонетические;
- 2) словообразовательные;
- 3) семантические.

В тексте романа нами выявлены следующие фонетические старославянизмы: *здравие, предо, брань, жажда, сласти, юг, град, главный, нрав, прах, серединой, единый, мрак, храбрый, вещь, сладкий, юность, члены, власть, вкус, владеть, воздух, время, драть, жребий* и др.

В тексте романа выявлено около 106 старославянизмов, дифференцированных на основе фонетических признаков.

Признаки, по которым мы отнесли выделенные старославянизмы именно в разряд фонетических, разнообразны. Так, слова *пред, храбрый, храмы, нрав, прах, серединой, вокруг, главный, хлад, брань, мрак* и т.п. содержат неполногласные сочетания *ла, ра, ре*, которым в русском языке соответствуют полногласные сочетания *оло, оро, ере*: *перед, хоромы, норы, порох, серединой, головной, холод, боронь, морок*.

«Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня передать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал» (Лермонтов 1990: 498).

Слова *хождение, одежда, надежда, порождает, враждебный, заблуждения* и т.п. имеют сочетание *жд*. Это сочетание соотносится с *ж* в русском языке, например: *хождение – хожу, одежда – одежда, надежда – надежда, порождает – порожу, враждебный – вражий, заблуждения – заблужу*.

Старославянизмы *юношеская, юность, юг* относятся к фонетическим,

так как в них на месте русского начального у звук ю. Так, древнерусскому *уноша, уный, уность, уг* соответствует старославянское *юноша, юный, юность, юг*.

Начальному *е*, в старославянском слове *единый* соответствует *о* в русском: *один*.

Известно, что русскому *ч* в ряде случаев в старославянском соответствует *щ*. Это бывает, во-первых, там, где наше *ч* и старославянское *щ* находятся на месте доисторического сочетания *tj*, как например, в словах *освещать* (ср. *свеча*), *лежащий* (ср. *лежащий*); во-вторых, там, где упоминаемые звуки заменили собой доисторическое сочетание *kt* перед гласными переднего ряда, как, например, в русском слове *печь* — старославянском — *пещь* (из *пек-* + *-ти*, ср. *пеку*), *ночь* — *нощь* (на первоначальный вид корня указывает, например, латинское слово *пох, noktis*).

I разряд — тип: *пещера* — *печера*. Сюда же относятся *общий (общество), овощь, всенощная*, и затем слова, в которых звук *щ* является в определенных морфологических положениях, именно в инфинитивах глаголов несовершенного вида на *-ать* и в I-м лице настоящего времени и страдательных причастиях прошедшего времени соотносительных глаголов совершенного вида на *-ить*, а также в связанных с ними отглагольных существительных на *-ение*, как например: *возвращать* — *возвращу* — *возвращён* — *возвращение*, *укрощать* — *укрощу* — *укрощён* — *укрощение*, *запрещать* — *запрещу* — *запрещен* — *запрещение*; то же в случаях *сокращать, освещать, освящать, поглощать, посещать* и пр. Далее, сюда относятся такие параллели, как *роптать* — *ропщу*, *трепетать* — *трепещу*, *клеветать* — *клеветщу*. К числу слов, в которых *щ* старославянского происхождения поставлено в определенное морфологическое положение, относятся еще причастия действительного залога настоящего времени на *-ущий, -ющий*. Из них к I разряду относятся те причастия этой категории, при которых нет параллели с звуком *ч* в

значении прилагательного, то есть, например, *умоляющий, кающегося, скачущего и т. д.*

II разряд — тип: *горящий — горячий*. Сюда относится некоторое число упомянутых только что причастий, при которых, наоборот, есть параллель с звуком *ч* в значении прилагательного. Кроме *горящий — горячий*, это *ходящий — ходячий, сидящий — сидячий, лежащий — лежащий, висящий — висячий, бежущий — бежущий*. Кроме того, к данному разряду можно отнести еще такие параллели, как *вращать — ворочать, помощь — помочь, мощь — мочь* («во всю мочь», «нет мочи»). Вообще же здесь примеров немного.

III разряд — тип: *нощь — ночь*. Число русских слов с звуком *ч* указанного происхождения, к которым не существует в общем употреблении варианта с звуком *щ*, очень велико. Сюда относятся все инфинитивы на - *чь*, например: *беречь, жечь, лечь, мочь, волоочь, печь, помочь, сечь, стеречь, стричь и пр.*, далее *печь (сущ.)*, *дочь, свеча, плечо, отвечать, хочу и многие другие*. В то же время почти невозможно себе представить в современном употреблении такие слова, как *свеща, хощу, пещь* и пр.

К этой группе слов можно отнести и *возвращаться, возвратился, возвернулся*. У Лермонтова этот глагол употребляется часто.

«Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю, - только ночью они оба возвратились» (Лермонтов 1990: 469).

Соответственно тому, как доисторическое сочетание *tj* заменялось звуком *щ* в старославянском языке и звуком *ч* в русском, сочетание *dj* заменялось в старославянском сочетанием *жд*, а в русском — звуком *ж*. Как показывает собранный материал, слова современного русского языка, в которых определяется сочетание *жд* или соответственное ему *ж* палатального происхождения, также распределяются по трем указанным разрядам.

Сочетание *жд* является в морфологизованном виде в глаголах несовершенного вида на *-ать*, однако с той разницей, что в 1-м лице настоящего времени от соответствующих глаголов современного вида на *-ить* будет не *жд*, а *ж*, например: *порождать* — *порожу* — *порожден* — *порождение*. В «Герое нашего времени» находим: *Зло порождает зло* (Лермонтов 1990: 540).

Словообразовательные старославянизмы, к которым мы относим слова, образование с использованием морфем старославянского языка, также имеют место в произведениях М.Ю. Лермонтова, их выделено около 250 единиц. Отметим их характерные признаки, определяющие их принадлежность к старославянизмам:

- суффиксы причастий *-ащ-* (*-ящ-*), *-ущ-*(*-ющ-*) в словах *ведущая, висящих, глядящий, говорящих, горящая, гуляющие, дрожащий, дымящийся, живущий, засыпающий, заходящий, зевающий, зеленеющий, извещающая, имеющего, испытующий, кающегося, пирующих, поднимающих, приближающийся, проезжающий, проходящими, пьющие, растущих, сжимающей, скачущего, склоняющихся, стоящие, трепещущую, умирающий, умоляющий* (в романе подобных слов немного);
- суффиксы существительных – *стви(е)* (*следствие, бедствие, отсутствие, последствие, спокойствие, удовольствие*); - *ын(я)* (*барыня, рабыня, милостыня*); - *знь* (*жизнь, казнь, болезнь*); - *тва(а)* (*битва, молитва*); - *ани(е), -ени(е)* (*дыхание, благоговение, брякание, внимание, возражение, воображение, воспоминание, желание, жужжание, заблуждение, заключение, замечание, захождение, исключение, мгновение, мнение, мщение, наблюдение, наслаждение, небрежение, нравоучения, обещание, обладание, облачение, образование, объяснение, ополчение, оправдание, освещение, оскорбление, остолбенение, отвержение, отвращение, отчаяние, ощущения, подозрение, поколение, покушение, похождения, почтение,*

- предание, предопределение, предположение, предубеждение, презрение, приглашение, признание, приказание, приключение, прикосновение, прозвание, произведение, подтверждение, прощение, разочарование, рыдания, сведение, сложение, смущение, собрание, сомнение, соображение, сострадание, сражение, страдания, стремление, убеждение, уважение, удивление, уединение, утешение, участие);*
- ств(о) (беспокойство, бешенство, искусство, кокетство, лекарство, любопытство, множество, недоброжелательство, неистовство, общество, правительство, преимущество, свойство, семейство, средство, существо, торжество, чувство); -ость (беспечность, благотворительность, вежливость, верность, возможность, гибкость, дерзость, доверчивость, жадность, задумчивость, надобность, невежество, нежность, нелепость, новость, нравственность, осторожность, отлогость, подлость, подробность, поспешность, потребность, привязанность, радость, рассеянность, слабость, справедливость, старость, сырость, твердость, томность, тонкость, точность, тягость, усталость, устройство, хитрость, шалость);*
- суффиксы прилагательных -есн – чудесный;
 - суффиксами прилагательных в превосходной степени - *дражайший, величайший, первейший, почтеннейшую;*
 - приставки воз-, вос- имеют слова – *возгордиться, возбудить, воздержаться, возвышенные, возвратись, вознаградить, возмутить, воскликнуть, воскресенье, воспользоваться, воспоминание, восхищение;*
 - приставки из-, ис- имеют слова - *излить, издалека, избавить, избаловать, избегать, известный, извольте, извозчик, издохнуть, издыхание, иззябнуть, излечить, изломить, измучены, изнеможение, изломилась, изобличать, изображать, изрубить, изучить, изрытый, изъяснялся, испить, исправитель, испробовать, испытать, иссушит, исхудал, исчерченный;*

- приставки пред- имеют слова - *предстала, предварить, предположение, предубеждение, предчувствие,*
- приставки пре- имеют слова - *прекрасной, презирал, презрел, презрением, премудрый, прескверный, прегадкий, прелесть, предала, презрительный, преопасный, прескучный, преупрямый, прехладнокровно, преспокойно, пренеприятное;*
- первые части сложных слов – *благо-, жертво-, нрав-,* отмечены в словах *благодарен, благороден, благородие, благосклоннее, жертвовать, нравоучения, нравственность.*

Старославянизмы словообразовательного типа, образованные по приставочному или суффиксальному типу, М.Ю. Лермонтов использует активно. Это слова имеют русские эквиваленты в современном языке. Например, *обделанная в серебро (авт. - трубочка)* – в значении отделанная серебром; *отвечал штабс-капитан примигивая с хитрой улыбкою* – в значении подмигивая; *как она переменилась в этот день* – в значении «изменилась». Эти же старославянизмы присутствуют в других повестях «Героя нашего времени»: *старика огорчало небрежение Печорина* – в значении «пренебрежение» («Максим Максимыч»), *я взошел в хату* – в значении «зашел» («Журнал Печорина»); *на возвратном пути* – в значении «на обратном»; *чтоб воздерживаться от вина* – в значении «удержаться»; *мы изорвали чадру* - в значении «порвали» («Княжна Мэри»).

Следует отметить, что славянизмы могут быть не только лексические, но также и морфологические. Сюда относятся, например, многочисленные устарелые окончания в формах склонения и спряжения, долгое время употреблявшиеся в русском письменном языке на правах стилистических славянизмов и в послепетровское время постепенно вышедшие из литературного употребления. Всё это формы в современном литературном языке невозможные. У Лермонтова мы находим большое количество таких примеров: *нервический припадок;*

недоброжелательство; занавесь; будущность; грянулся о землю; чины нейдут; обанкрутился; с важностью; что с ним сделалось; не уподай духом; отличный анатомик; сплетение противоположных наклонностей; он имел одну из таких оригинальных физиогномий; стануть закладывать и т.д. Многие из этих слов Лермонтов использует для придания просторечности и некой ироничности образам своих героев (например, штабс-капитана), другие же старославянизмы употребляются в «Герое нашего времени» как нейтральная актуальная лексика, в силу того, что в эпоху автора они были в активном словаре русского языка.

Наряду с отмеченным наличием фонетических и словообразовательных старославянизмов в произведении нами выделены также семантические заимствования: *ангел, жертва, христиане, исповедь, исповедовать, порок, пророк.*

«– Господин Печорин! – закричал драгунский капитан: – вы здесь не для того, чтоб исповедывать, позвольте вам заметить...» (Лермонтов 1990: 572).

Подобные слова относятся к семантическому разряду в связи с их принадлежностью к религиозному культу.

2.2. Особенности стилистической маркированности старославянизмов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» достаточное количество слов, классифицируемых как старославянизмы. Однако их роль в современном языке во многом отличается от той, которую они играли в предшествующие периоды. Во многом это обусловлено стилистической маркированностью рассматриваемых лексем. По стилистической окраске выделенные нами слова можно разграничить на три группы:

1. Слова, являющиеся по происхождению старославянизмами, но не имеющие стилистической маркированности (таких единиц было выделено наибольшее количество). Вошедшие в активный запас лексики русского

языка, такие слова не имеют функциональных ограничений. Такие слова, как *дыхание, сладкий, одежда, храбрый, главный, плен, благополучие, юг* и др., входят в активный запас русского языка и являются общеупотребительными, для них можно отметить номинативную функцию, но особой художественной функции ни в русском языке, ни в произведениях М.Ю. Лермонтова подобные слова не выполняют.

Например, *Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан, с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел* (Лермонтов 1990: 456). В данном предложении слово *вещь* как в старославянском словаре «вещь, предмет» [Цейтлин 1999: 113], так и Малом академическом словаре выступает в значении «всякий отдельный предмет (преимущественно бытового обихода, трудовой деятельности и т. п.)» [МАС], а в предложении «*Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!*» (Лермонтов 1990: 526) слово *вещь* у Лермонтова имеет другое значение – «нечто, что-то» [МАС].

Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге (Лермонтов 1990: 458). Здесь слово *юг* употребляется в значении «местность, расположенная в полосе теплого, жаркого климата» [МАС], в старославянском словаре записано в значении «юг» (стороны света) [Цейтлин 1999: 791].

2. Слова, составляющие ряд родственных слов, включающих или старославянский, или русский элемент: русский и старославянский корень, характеризуемый формальным сходством, употребляются в процессе словопроизводства. Лермонтов использует слова, в которых основной вид корня чаще всего окажется русским, а его дериваты будут использовать старославянский вариант: *дорогой - драгоценный, здоровье – здравствуйте, холод – хладнокровие. «...Везет моя лодочка // Вещи драгоценные...»* (Лермонтов 1990: 504). *Драгоценный* - «очень ценный, дорогой, стоящий больших денег» [МАС].

3. Старославянизмы, сохранившие оттенок книжности, высокого

стиля, которые в современном русском языке употребляются преимущественно в письменных, а не разговорных стилях речи или в языке официальных документов. Подобные лексемы сохранили стилевую специфику и придают тексту торжественность и приподнятость стиля. Подобных слов в художественном произведении Лермонтов использует довольно часто и особенно ярко в речи Печорина.

Словосочетание *томиться жаждой*, сегодня употребляется в книжной лексике для придания пафосности и патетики. В «Герое нашего времени»: *После полудня она начала томиться жаждой* (Лермонтов 1990: 487). У Лермонтова слово *жажда* используется в значении, как в старославянском словаре [Цейтлин 1999: 222], так и Малом академическом - «желание, потребность пить» [МАС], а уже во фразе «*ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти*» (Лермонтов 1990: 487) Лермонтов слово *жажда* использует в переносном значении «сильное, страстное желание чего-либо» [МАС]. То же: *испить воды*. «*Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась*» (Лермонтов 1990: 488).

Избегнуть. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли *избегнет* упрёка в покушении на оскорбление личности! (Лермонтов 1990: 455). Здесь Лермонтов использует слово *избегнет* в значении «воздержаться» [МАС], в старославянском словаре слово *избегнути* в значении «выбежать, выйти» [Цейтлин 1999: 250].

Отметим, что слова устаревшие, архаизмы, принадлежащие старославянской лексике, Лермонтов использует крайне мало, так как роман «Герой нашего времени», по замыслу автора, - это произведение о современном ему «герое». Факт «современности» языка «героя нашего времени» признавали многие литературоведы (Белинский, Попов и др.). Среди устаревших слов старославянского происхождения представляют интерес такие, как возопиют,

В «Герое нашего времени» мы находим славянизм, пришедший из старославянского языка: «*В тот день немые возопиют, и слепые прозрят*» (Лермонтов 1990: 501). Неточная цитата из Библии: «И в тот день глухие услышат слова Книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Книга пророка Исаяи, гл. 29, ст. 18). Слово *возопиют* устаревшее, что значит «громко закричать; завопить» [МАС], в старославянском словаре *възъпити* значит «воскликнуть, вскричать, возопить» [Цейтлин 1999: 142], *прозрят* - «стать зрячим» [Цейтлин 1999: 520].

Слово *ибо* относится к устаревшей книжной лексике и употребляется в придаточном причинном предложении, соответствует по значению союзам «потому что, так как» [МАС]. *Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник – единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу* (Лермонтов 1990: 459).

Проведенный анализ позволил определить в тексте романа М.Ю.Лермонтова преобладание высокой лексики, восходящей по происхождению к старославянскому языку.

2.3. Функционально-семантические особенности старославянизмов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Рассмотрим использование в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» старославянской лексики, их функционально-семантические особенностей.

Роман начинается с «Предисловия», которое Лермонтов, ненавязчиво рекомендует не пропускать, а прочесть «*Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас*» (Лермонтов 1990: 455). Повествование ведется с активным использованием старославянизмов как фонетических, так и словообразовательных с целью придания вступлению важности, торжественности и приподнятости стиля.

Проанализируем ряд слов с использованием этимологического русскоязычного словаря Фасмера, школьного этимологического словаря русского языка Шанского, старославянского словаря Цейтлин, Малого академического словаря Евгеньевой.

Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрёка в покушении на оскорбление личности! (Лермонтов 1990: 455). Слово *едва* в значении «с трудом, насилу; еле» [МАС], в старославянском словаре это слово не представлено, а в этимологическом словаре в значении «только-только» [Шанский:]. В словах *покушение, оскорбление, личность* использованы старославянские суффиксы -ени(е), -ость.

Боже его избави от такого невежества! (Лермонтов 1990: 456). Слово *избави* используется так, как представлено в старославянском словаре, в значении «освободить, спасти» [МАС], то есть в старославянской трактовке.

Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж бог знает! (Лермонтов 1990: 456). Лермонтов использует словообразовательный старославянизм *излечить* как «вылечить» [МАС]. Слово *болезнь*, в значении «нарушение жизнедеятельности» [МАС], в старославянском словаре – «нездоровье», вошло в активный запас русского языка.

«Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое, и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар» (Лермонтов 1990: 455).

Слово *брань* в старославянском словаре представлено только в одном значении «борьба, бой, битва» [Цейтлин 1999: 100], у Лермонтова *брань* используется как «оскорбительные, ругательные слова; ругань» [МАС].

Старославянское слово *одежда* [Цейтлин 1999: 405] используется в данном предложении в значении «совокупность предметов (из ткани, меха и т. п.), которыми покрывают, одевают тело» [МАС], а в предложении *В его одежде заметны были вкус и опрятность* [Лермонтов 1990: 456] слово *одежда* выступает в значении «совокупность предметов, которые надевают поверх белья; платье» [МАС].

Слово *общество* в этом предложении использовано в старославянском значении «сообщество» [Цейтлин 1999: 405] или «круг людей, объединенных общностью чего-либо (происхождения, положения, интересов) [МАС]. А вот в предложении *Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело* (Лермонтов 1990: 455) слово *общество* имеет устаревшее значение «узкий круг людей, принадлежавших к родовитому дворянству, влиятельной буржуазии» [МАС].

«Но видно, Русь так уж сотворена, что всё в ней обновляется, кроме подобных нелепостей» (Лермонтов 1990: 455). Слово *нелепость* образовано при помощи приставки *не-* и суффикса *-ость* от старославянского *лепъ* [Цейтлин 1999: 314] в значении «лишенный здравого смысла, разумных оснований» [МАС].

Очень примечательно слово *прелесть*. В X веке это слово обозначало «обман, коварство» [Цейтлин 1999: 544], с течением времени это значение утратилось, современная семантика появилась лишь в конце XVIII века и Лермонтов использует слово *прелесть* в значении «о том, кто (или что) вызывает восхищение красотой, изяществом» [МАС].

«— Ну что, какова? — Прелесть! — отвечал он — И точно, она была хороша» (Лермонтов 1990: 455).

Возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? [Лермонтов 1990: 540]. Семантическое значение слова *торжество* старославянскую эпоху было таковым — «праздник на рынке» [Шанский:

<http://slovari.yandex.ru/dict/shansky/article/2/sha-5221.htm>]. В романе Лермонтов использует слово *торжество* уже в другом современном значении «победа, полный успех» [МАС]. Слово *власть* в старославянском значении «власть, право» [Цейтлин 1999: 118], Лермонтов использует *власть* как «могущество, господство, сила» [МАС].

Слово *стремглав* в современный период тоже имеет другое значение: в старославянском словаре *стрьмоглав* в значении «вниз головой» [Цейтлин 1999: 631], а сейчас «очень быстро, стремительно» [МАС].

«Опрометью поскакали мы на выстрел, – смотрим: на валу солдаты собрались в кучку и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле» (Лермонтов 1990: 484).

«Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва» (Лермонтов 1990: 573). В старославянском словаре *прах* – это «пыль» [Цейтлин 1999: 498], в романе слово *прах* используется в традиционно-поэтическом значении «мельчайшие частицы чего-либо, пыль» [МАС].

«На дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой» (Лермонтов 1990: 499). В активном русском словаре слово *ограда* используется в значении «стена, забор, решетка вокруг чего-либо» [МАС].

«Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы» (Лермонтов 1990: 455). Слово *польза* использовано Лермонтовым в значении «хороший результат, благоприятные последствия для кого-, чего-либо» [МАС], «польза, полезность» [Цейтлин 1999: 473].

Слово *благовонный* используется в романе как «ароматный, душистый» [МАС], в старославянском значение слова тоже самое [Цейтлин 1999: 85]. *«С жадностью глотаю я благовонный воздух и*

устремляю взоры в синюю даль» (Лермонтов 1990: 527).

Проанализировав роман М.Ю. Лермонтова, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, в тексте романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова старославянизмы являются функционально востребованными лексемами.

Во-вторых, фонетические признаки были выявлены в 106 случаях и составили 5 групп; в-третьих, словообразовательные признаки были выявлены в 250 случаях и составили 15 групп; в-четвертых, семантические старославянизмы составили наименьшее количество – 7.

В-четвертых, на примере этого романа мы выясняли, что самыми распространенными признаками старославянизмов являются словообразовательные, на втором месте находятся фонетические признаки, семантические старославянизмы использованы автором крайне редко.

В-пятых, наблюдается стилистическая маркированность старославянской лексики, использованной в произведении М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: .

§4. Работа со старославянизмами на уроках русского языка

В общей системе работы по формированию коммуникативных и языковых компетенций обогащение словарного запаса обучающихся, его закрепление и активизация играют значительную роль. Слово, являясь основной единицей языка, выполняет не только номинативную, но и аккумулятивную функции, сохраняя культурное и духовное наследие русского народа и мировой цивилизации.

Совершенствование речевого общения невозможно без расширения лексикона человека. Вместе с тем познавательное развитие, развитие понятийного мышления также обусловлено усвоением новых слов, закрепляющих получаемые учащимися новые знания и представления. Поэтому словарная работа в процессе обучения русскому языку тесно

связана с познавательным развитием.

Старославянизмы представляют интерес и для работы на уроках русского языка. В ходе работы с языковым материалом нами были подготовлены лингвистические задания с определенными дидактическими целями.

Задание 1. Подобрать к старославянизмам русские соответствия:

Бразды (борозды), здравый (здоровый), злато (золото), краткий (короткий), млат (молоток), влачить (волочить), средний (середина), злато (золото), кладезь (колодец), глава (головной), нрав (норов), страж (сторож), чреда (череда), млеко (молоко), младой (молодой), глад (голод), драгой (дорогой), рождение (рожать), блато (болото), бред (бередить), оградить (город), страна (сторона), вождь (вожатый), чрез (через), власть (волость).

Слова, представленные в упражнении, подаются последовательно с учетом актуальности их в лексиконе школьника.

Задание 2. Найдите в современном русском языке слова, имеющие старославянские корни, выделите эти морфемы.

- 1) После жаркого дня вечером веет чем? (Прохладой)
- 2) Министерство, отвечающее за охрану здоровья в стране, проводящее реформы в этой области. (Министерство здравоохранения)
- 3) Кому не сдается наш гордый «Варяг»? (Врагу)

Задание 3. Вставьте пропущенные слова, подобрав необходимое по смыслу.

- 1) Заводские _____, надежные _____ российских рубежей (страж, сторож).
- 2) _____ курс истории, _____ пиджак (краткий, короткий).
- 3) _____ дети, _____ суждения (здравый, здоровый).
- 4) Идущий впереди, или _____, дозор; жить на _____ улице города (главный, головной).
- 5) _____ каменные глыбы, _____ турбину (вращать, ворочать).
- 6) _____ вещи, _____ нравы (чуждый, чужой).

Задание 4. Вставьте в цитату из повести А.С. Пушкина «Дубровский» пропущенные слова, выбрав из скобок подходящее по смыслу русское или старославянское слово. Сравните с тем вариантом, который находим в тексте повести Пушкина.

- 1) Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около _____ его владений... (пространных, просторных)
- 2) Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми _____ рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывисто и стал слушать... (сторожами, стражами)
- 3) В конце мая месяца князь _____ из-за границы и приехал в свою деревню, которой от роду еще не видал. (воротился, возвратился)

Задание 5. Вставьте в цитату из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» пропущенные слова, выбрав из скобок подходящее по смыслу русское или старославянское слово. Сравните с тем вариантом, который находим в тексте романа.

- 1) - А помните наше житье-бытье в крепости? Славная _____ для охоты!.. (страна, сторона)
- 2) Я удивительно понимаю этот разговор немой, но выразительный, _____, но сильный! (краткий, короткий)

Задание 6. Определите, в какой группе слов даны старославянизмы, а в какой – русские слова. Запишите в два столбика, подбирая пары слов, в которых старославянским фонетическим признакам соответствуют русские фонетические признаки.

1. Равенство, разница, ладья, врата, злато, прохлада, серебро, чреда, плен, храм, нужда, вражда, хождение, власяница, младой, единый, вращать.
2. Ровня, в розницу, холодный, ворота, чередовать, хоромы, волосяной, золотой, одинокий, нужный, ворочать, лодочка, серебро, вражеский, ухоженный, полонённый, молодой.

Задание 7. Объяснительный диктант. Подберите соответствующие русские слова к данным старославянизмам.

Бразда, древо, млечный, чреда, единый, вращать. (*Борозда, дерево, молочный, очередь, один, ворочать*).

Выделите орфограммы в исконно русских словах.

Задание 8. Прочитайте слова. Подберите однокоренные старославянизмы к исконно русским словам.

Голосить, горожанин, огородить, сторона, холод, ворота, норы, чужой, перекресток. (Гласить, гражданин, оградить, страна, хлад, врата, нрав, чуждый, крест).

Запишите слова парами. Подчеркните полногласие и неполногласие. Выдели орфограмму. Какой вывод ты можешь сделать?

Задание 9. Составление синквейна к старославянскому слову.

Синквейн – пятистрочная стихотворная форма, которая возникла под влиянием японской поэзии в США в начале XX века. Особенностью этого стихотворения является отсутствие рифмы и возможность в небольшом объеме текста представить самые главные для каждого отдельного человека ассоциации.

А. Составить синквейн к старославянскому слову «истина»

- 1) ЧТО? Истина.
- 2) КАКАЯ? Подлинная, научная.
- 3) ЧТО ДЕЛАЕТ? Торжествует, ругает (ложь), выводит (на чистую воду фальшь).
- 4) АФОРИЗМ: «Научная истина торжествует по мере того, как вымирают ее противники».
- 5) СИНОНИМЫ: правда, антиложь.

Б. Составить синквейн к старославянскому слову «храм»

- 1) ЧТО? – Храм.
- 2) КАКОЙ? Святой, божий.
- 3) ЧТО ДЕЛАЕТ? Душу очищает, надежду вселяет, веру поддерживает.
- 4) АФОРИЗМ: «Храмы зиждутся во имя святого».

5) СИНОНИМЫ: церковь, собор.

В. Составить синквейн к старославянскому слову «**врата**»

1) ЧТО? – Врата.

2) КАКИЕ? Церковные, святые.

3) ЧТО ДЕЛАЮТ? Открываются (в рай, святилище), надежду вселяют, душу окрыляют.

4) АФОРИЗМ: «Открывайте врата – несите радость нам сюда».

5) СИНОНИМЫ: двери, калитка.

Составление синквейна является не только активной формой обучения русскому языку, но и продуктивной при изучении словарных слов и слов, требующих лингвокультурологического комментария.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения происхождения лексика делится на исконную, изначально присущую русскому языку, и иноязычную – заимствованную русским языком из других языков. В составе заимствованных русским языком слов большое количество представляют старославянизмы – слова, заимствованные из старославянского языка, характеризующиеся внешними признаками (фонетическими и словообразовательными).

Старославянизмы в составе современного русского языка функционально активны. Многие из старославянских корней, приставок, суффиксов востребованы в современных словообразовательных моделях.

Многие из отличительных особенностей старославянского языка в сравнении с собственно русским воспринимаются как жанрово-стилистическая специфика в общей системе средств русского литературного языка. При этом старославянские заимствования являются элементами не только текстов русской классической литературы, но также и литературы XX и XXI веков. Большое количество старославянских по происхождению слов, закрепившись как средства

литературного языка, вытеснили или семантически ограничили восточнославянские соответствия.

Для старославянизмов характерны признаки фонетические (неполногласие, начальные *ю, е* в соответствии с русскими *у, о*; сочетание *жд* и др.), словообразовательные (суффиксы *-ущ(ющ)-, -ащ(ящ)-*, приставка *пре-* и др.), семантические. Освоенные русским языком, многие заимствования не воспринимаются как иноязычные элементы.

Обращение к роману М.Ю. Лермонтова обусловлено тем, что в языке художественной литературы заимствованная лексика представлена широко.

Произведения М.Ю. Лермонтова представляют небольшое количество старославянских заимствований. Здесь встречаются и фонетические (*влача, одежда, чуждая*, и др.), и словообразовательные (*волшебство, грядущий, благодарность, битва* и др.), и семантические старославянизмы (*божество, благословение, благодатный*),. Многие из этих слов, укоренившиеся в русском языке, не воспринимаются носителями как иноязычные. Создавая основной тон повествования, такие слова называют предметы, явления, признаки (*одежда, битва*).

При этом большая часть старославянских по происхождению слов в произведениях М.Ю. Лермонтова, сохраняя стилевую специфику и стилистическую окраску, создают эмоционально-экспрессивное повествование. Ощущая смысловое различие старославянских и русских слов, поэт вводит книжное или даже устаревшее слово с целью создания определенного художественного образа, формирования нужной читательской ассоциации. Лермонтов не отказывается от культурного наследия старославянского языка, от скрытых в нем возможностей поэтического выражения и экспрессивного воздействия.

В «Герое нашего времени» Лермонтов окончательно порывает с романтическим стилем в языке. Лексика «Героя нашего времени» свободна от архаизмов и старославянизмов. Ориентируясь на лексику и синтаксис

общелитературного языка, Лермонтов тонко использует стилистическую роль каждого из явлений этого общелитературного языка.

М.Ю. Лермонтов умело использует старославянизмы. Старославянизмы с неполногласным старославянским сочетанием, придающие речи пафосности он использует для иронии над героем (Грушницкий), либо, напротив, для снижения стилистической окраски, стараясь приблизить речь героя к народной.

Старославянизмы, являясь средствами создания поэтичности языка, выразительности образов, выполняют при этом различные стилистические функции. Функционирование старославянских слов в текстах М.Ю. Лермонтова опирается на определенную специфику самих лексем: они как бы играют своими скрытыми, вторичными значениями, оттенками смысла – то более общими, то более конкретными. Старославянские элементы в тексте, подчеркиваясь или приглушаясь, окрашивают собой соседние слова и строки. Такой текст дает простор воображению читателя и в то же время ставит ему культурологические границы.

В «Герое нашего времени» Лермонтовым достигается та сложная простота языка, которая не удавалась никому из предшествующих писателей-прозаиков, кроме Пушкина. В романе Лермонтова языком русской прозы достигается такой уровень развития, который дает возможность использовать языковые средства для выражения самых детальных психологических характеристик. И выбор старославянского или русского выражения основывается у Лермонтова на принципе художественной значимости: в пределах текста автор не стремится создать ровный, единообразный или последовательный стиль, как у предшественников. Лермонтов, отвергая требование единства стиля, предлагает стилистически разнородные элементы, что и придает текстам его произведений возвышенную стилистику.

Таким образом, при выборе средств выражения Лермонтов обращается к старославянизмам как стилистически маркированным

элементом, которые, выступая знаками той или иной культурно-идеологической позиции, определяют перспективу повествования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научные труды:

1. Белинский, В.Г. Собрание сочинений [Текст]: В 9 т./ В.Г. Белинский. – М.: Худож. лит., 1978. — Т. 3. — 453 с.
2. Бояринцева, Г.С. «Герой нашего времени»: Языковые контрасты [Текст]/ Г.С. Бояринцева, // Русская речь. – 1978. – №2. – 96-101 с.
3. Брунова, Е.Г. Об этимологическом анализе на современном этапе [Текст]/ Е.Г. Брунова // Филологические науки. – 2002. – №2. – С. 89-92.
4. Вариченко, Г.В. Новая жизнь старых слов [Текст]/ Г.В. Вариченко // Русский язык в школе. – 1990. – №3. – С. 72-77.
5. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
6. Виноградова, Е.М. «После ночной битвы с привидением» («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова) [Текст]/ Е.М. Виноградова // Русский язык в школе. – 2004. – №5. – С. 57-64.
7. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку [Текст]/ Г.О. Винокур – М.: Высшая школа, 1959. – 412 с.
8. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке [Текст] / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М.: АСТ, 2014. – 396 с.
9. Войлова, К.Л. Старославянский язык [Текст]/ К.Л. Войлова – М.: Дрофа, 2003. – 368 с.
10. Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А. Историческая грамматика русского языка [Текст]: Учеб. пособие / К.В. Горшкова, Г.А.Хабургаев – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 384 с.
11. Грязнова, В.М. Специфика художественного пространства и времени в романном творчестве М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс]/

- В.М. Грязнова, Я.С. Швецова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – №4. – С. 215-220. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29070209>
12. Денисов, П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания [Текст]/ П.Н. Денисов. – М: Русский язык, 2016. - 253 с.
 13. Ефимов, А.И. История русского литературного языка [Текст]. Курс лекций / А.И Ефимов – М.: Изд-во Московского университета, 1954. – 431 с.
 14. Зарипова, А.Р. Семантическая эволюция слова жребий в истории русского языка [Электронный ресурс]/ А.Р. Зарипова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки .– 2015. – №4. – С. 121-126. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24993669>
 15. Изотов, А.И. Старославянский и церковнославянские языки [Текст]/ А.И. Изотов – М.: ИОСО РАО, 2001. – 240 с.
 16. Ильюшенкова, Л.А. Славянизмы с компонентом – благ- в «Записках...» Г.Р. Державина [Текст]/ Л.А. Ильюшенкова // Русский язык в школе. – 2009. – №7. – 51-53 с.
 17. Колесов, В.В. История русского языка [Текст]/ В.В. Колесов – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2005. – 672 с.
 18. Ковалева, Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX века [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Ковалева. – М.: Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина., 2016. - 26 с.
 19. Кожин А.Н. Возрождение устаревшей лексики [Текст]/ А.Н. Кожин // Русский язык в школе. – 2015.- № 3. - С. 102-111.
 20. Колесникова, В.П. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Родина» [Текст]/ В.П. Колесникова // Русский язык в школе.– 1991.– №3.– С. 50-54.

21. Корниенко, С.И. Употребление старославянизмов в произведениях на религиозную тематику [Электронный ресурс]/ С.И. Корниенко // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. – 2012. – С.28-32 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-staroslavyanizmov-v-proizvedeniyah-na-religioznuyu-tematiku>
22. Крысин, Л.П. Современная литературная норма и ее кодификация [Текст]/ Л.П. Крысин // Русский язык в школе. – 2002. – №1. – 82–88 с.
23. Кузнецов, П.С. Историческая грамматика русского языка: Морфология [Текст]/ П.С. Кузнецов. – М.: УРСС, 2005. – 312 с.
24. Липич, В.В. Творческое наследие М.Ю. Лермонтова в школьном и вузовском изучении [Текст]/ В.В. Липич // Литература в школе. – 2017. – № 2. – С. 2-6.
25. Маркова, Е.М. Заметки об общеславянских соматических названиях [Текст]/ Е.М. Маркова // Русский язык в школе.– 2005. – №1. – С. 90-95.
26. Мундер, М.К. Роль устаревшей лексики в конструировании имплицитных смыслов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова) [Текст]/ М.К. Мундер // Русский язык в школе. – 2017. – № 10. – С.38-41.
27. Мурьянов, М.Ф. К семантике старославянской лексики [Текст]/ М.Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. –1977 – №2. – 131-139 с.
28. Николенкова, Н.В. Старославянский язык [Электронный ресурс]/ Н.В. Николенкова // Образовательный портал «Слово»: Филология. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37376.php>.
29. Ремнёва, М.Л. История русского литературного языка [Текст]: Монография/ М.Л. Ремнева. – М.: Филология, 1995. – 400 с.
30. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык [Текст]/ Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – М.: Рольф, 2001.– 448 с.
31. Сергеев, В.Н. Новые значения старых слов [Текст] / В.Н. Сергеев. — М: Просвещение, 2015. — 159 с.

32. Современный русский литературный язык [Текст]/ Под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш.школа, 1982. – 399 с.
33. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис [Текст] / Под ред. Л.А. Новикова. – С-Пб.: Изд-во «Лань», 2001. – 864 с.
34. Современный русский литературный язык [Текст]/ Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов и др. – Л.: Просвещение, 1988.– 671 с.
35. Соколова, Г.П. На урок – с М.Ю. Лермонтовым (Некоторые советы по анализу повести «Тамань» при подготовке к ЕГЭ) [Текст]/ Г.П. Соколова// Русский язык в школе. – 2009. – №2. – С.11-15; №3 – С. 25-29.
36. Стрижева, К.Н. Особенности употребления старославянизмов в произведениях А.С. Пушкина [Электронный ресурс]/ К.Н. Стрижева // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 1. – Ч. 3 –Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/45765>.
37. Тарланов, З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. Курс лекций [Текст]/ З.К. Тарланов – Петрозаводск: Изд во ПетрГУ, 1979 – 371 с.
38. Турбин, Г.А. Старославянский язык / [Текст] Г.А. Турбин – М.: Флинта, 2002. – 75-79 с.
39. Турилова М.В. Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «безумие» / М.В. Турилова // Русская речь.– 2017.– №2. – С. 78-86. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28436142>
40. Умелов, В.В. Понятие заимствованного слова [Текст] / В.В. Умелов. – М.: Флинта, 2015. – 429 с.
41. Укропова В.Г. Внеклассные мероприятия по русскому языку для старшеклассников [Текст] / В.Г. Укропова. – М.: АСТ. – 2014. – 249 с.
42. Фомина, М.И. Современный русский язык: Лексикология [Текст]/ М.И. Фомина – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.
43. Хабургаев, Г.А. Старославянский – церковнославянский – русский литературный [Текст]/ Г.А. Хабургаев // История русского языка в

- древнейший период. Вопросы русского языкознания. Вып. 5. – М.: МГУ, 1984.– С.5-35.
44. Христова, Т.Ю. Культура и язык текстов М.Ю. Лермонтова [Электронный ресурс]/ Т.Ю. Христова // Проблемы научной мысли. – 2017. – Т. 1, № 6. – С. 28-30. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28104076>
45. Цейтлин, Р. М. Лексика старославянского языка [Текст]/ Р.М. Цейтлин. – М., Просвещение, 1977. – 336 с.
46. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст]/ Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1975. – 412 с.
47. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: Лексика [Текст]/ Д.Н. Шмелев.– М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
48. Щербина, С.И. К истории терминов полногласие и неполногласие / С.И. Щербина // Русский язык в школе. – 2004. – №1. – С. 86-89.

2. Список словарей и их условных обозначений:

1. Большой толковый словарь русского языка [Текст]/ Под. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004. – БТСРЯ
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст]/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова – М.: Просвещение, 1999. – Ожегов
3. Рогожникова, Р.П., Карская, Т.С. Из истории русских слов: Словарь – пособие [Текст]/ Р.П. Рогожникова, Р.П. Карская - М.: Школа-Пресс, 1993.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньева. – М.: Рус.яз. Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://mas-dict.narod.ru/> – МАС
5. Современный толковый словарь русского языка [Текст]/ Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2002.

6. Старославянский словарь [Текст] / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4 т. / М.Фасмер – М.: Прогресс. – 1986 – 1989. – Режим доступа: <http://vasmer.narod.ru/>
8. Шанский, Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов/ Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. - М.: Дрофа, 2004.–398 с. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/shansky/>
9. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям рус. писателей XVIII – XX вв [Текст] - М.: Просвещение, 1996.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд [Текст] – М., Наука, 1988.

Список источников:

1. Лермонтов, М.Ю. Сочинения в двух томах [Текст]/ М.Ю. Лермонтов – Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 704 с.